

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

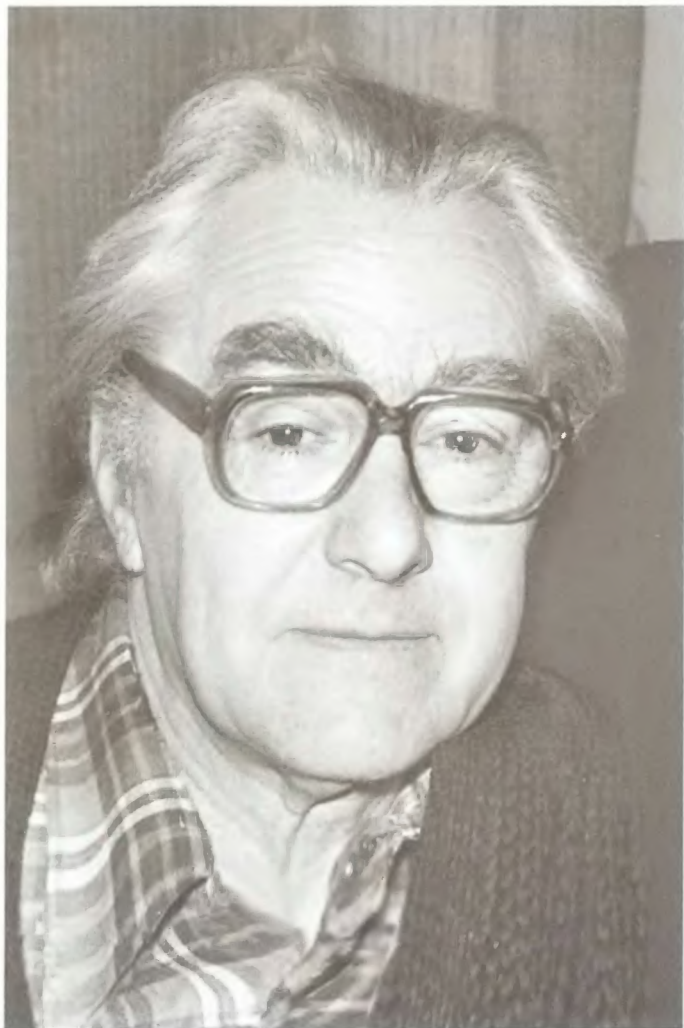
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

Феодализм
перед судом историков

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-I-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ 201

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ 221

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА 261

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ 279

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА)..... 285

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ 319

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ 351

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко) 363

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич) 390

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004 .....</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

“THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY”: LANGUAGE NORM
SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO
CULTURAL CONTEXT 221

K.L. Bannikov

QUIA ABSURDUM: THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE
METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS 261

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR *DEDOVSKHINA*. A BRIEF REMARK 279

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY
BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM
AND BYZANTINE HESYCHASM 285

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE
CRUSADES 319

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN
EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD 351

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (*translated by G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev,*
notes by G.V. Bondarenko) 363

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. “THE STORY OF EGMUND THE BEATEN
AND GUNNAR HALF-AND-HALF” (*translation and notes by Ye.A. Gurevich*) 390

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE
CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?.... 420

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004 .....</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ

До начала нашего заседания слышались прогнозы, что оно превратится в “похороны феодализма”, однако общий настрой выступавших оказался совсем иным: если и ожидали “за упокой”, то получилось определенно “во здравие”, и особых сомнений в необходимости этого понятия я не услышал. Но не думаю, что в своем вступительном слове я был излишне пессимистичен, обрисовывая “историографический нигилизм” в отношении работы над понятием “феодализм” или поисков иных форм генерализации в описании средневекового общества. В том, что голоса “нигилистов” не получили сегодня должного представительства, нет ничего удивительного – зачем же тратить время на то, чему не придаешь никакого значения? Хотя выслушать другую сторону было бы полезно: надо обязательно просчитывать не только выгоды, но и издержки феодального ракурса рассмотрения средневекового общества.

Вернемся к текстам, представленным в качестве отправной точки для обсуждения. К сожалению, основные тезисы Сьюзан Рейнольдс не были сегодня проанализированы должным образом. Впрочем – этой сенсации идет уже второй десяток лет и большинство ее положений сейчас мало кому кажутся излишне дерзостными. Да, различного рода Libri feodorum (переведенные в одном почтенном издательстве как “Книга Феодора”)¹ не отражают реальность, но скорее конструируют ее в соответствии с некой целью; да, в еще большей степени этой сконструированной картине было придано подобие упорядоченной системы в трудах юристов раннего Нового времени; да, историки XIX–XX вв. рады были не только воспринять эту фикцию, но и ретроспективно распространить ее вглубь и вширь – на более ранние века и на иные регионы, выпячивая одни черты и игнорируя другие. А то, что их концепции несли очевидную идеологическую нагрузку, – вещь и вовсе тривиальная для всех тех, кто читал учебники О.Л. Вайнштейна или Е.В. Гутновой по историографии. Неоспоримым достоинством этой книги Сьюзан Рейнольдс было привлечение внимания к вопросам источниковедения и особенностей правовой мысли, а также призыв к углубленному изучению истории понятий. При этом она ломает ряд застарелых стереотипов медиевистики. Но трудно не заметить, что критике подвергаются постулаты концепции “феодализма в узком смысле слова”, памятной нам по анафемам, провозглашаемым этой концепцией на страницах всех советских учебников по истории Средних веков. Тем самым С. Рейнольдс, может быть, не осознавая этого, усиливает конкурирующую теорию “феодализма в широком смысле

слова”. Последняя же изначально рассматривала феодализм как универсальную категорию. И действительно, если публично-правовой аспект никогда не исчезал из системы организации власти, и если одним и тем же термином могли обозначаться очень непохожие друг на друга отношения между людьми, то западноевропейский вариант развития не представляется столь уж несхожим с другими регионами, в частности – с русскими землями. Об этом, где прямо, где косвенно, даются свидетельства в выступлениях наших специалистов по истории России². Но тогда добываемый ими материал может иметь в глазах западных коллег не только экзотическую ценность. Так, например, “еретический” взгляд на средневековый город, предлагаемый Жаком Эрсом³, рисует картину, весьма схожую с той, что давно уже разрабатывается отечественными историками, изучающими Новгород и Псков с их городскими боярскими усадьбами.

В поисках новых, менее схематичных, характеристик средневекового общества надо учитывать достижения исторической антропологии – этот призыв А.Я. Гуревича встретил единодушную поддержку, равно как и указания на то, что средневековое общество не исчерпывалось его феодальной составляющей. Об этом писал Марк Блок: “Может быть, важнее всего сказать, что феодализм затронул те страны, в которых мы можем его наблюдать, в разной степени и существовал в них в разное время, ни одна из стран не была феодализирована полностью... Конечно, несовершенство воплощения – удел любого человеческого начинания. В европейской экономике начала XX века, безусловно, развивающейся под знаком капитализма, тем не менее остаются институты, остающиеся вне этой схемы”⁴.

Точно так же все согласилось с необходимостью более пристального внимания к “крестьянской цивилизации”, “крестьянскому лику” Средневековья. Крестьяне чаще присутствовали в трудах медиевистов не как субъекты, а как объекты истории, образуя молчаливый фон для тех процессов, которые находились в центре внимания медиевистов. Как показывает материал северных и некоторых других регионов Европы, крестьяне не только “тоже чувствовать умели”, но обладали своей собственной системой мировосприятия, представлений о чести, о социальном порядке и правосудии, и порой отодвигали мир сеньоров за околицу своих повседневных забот. Об этом можно судить и по материалам саг, и по “крестьянину Гельмбрехту”, видя в этих и других памятниках не только отражение крестьянских ценностей, но и способ их утверждения. Однако трудно оспорить то, что в регионах, которые принято считать “классическими” для Западного Средневековья, голос крестьян доходит до историка настолько приглушенным, что неразличим без специальных

исследовательских методик. И причины (но также – цели и результаты) того, почему о крестьянах Франции чаще всего говорилось в тоне, свойственном “Поэме о версонских вилланах” или рассуждением о природе “Хамова проклятья”, нуждаются в самостоятельном осмыслении.

Крестьянский мир присутствовал в Средневековой Европе не только как фон процессов феодализации, но и как своеобразный альтернативный вариант развития. Марк Блок в уже цитированной главе “Феодального общества” говорил об этом: “На карте западной цивилизации в эпоху феодализма мы видим несколько белых пятен: скандинавский полуостров, Фризия, Ирландия”⁵, – сегодня и у нас шла речь об этих зонах крестьянской свободы, к которым, как отмечалось, можно отнести и Византию. Такое же “белое пятно” представляли собой и многочисленные горные общества⁶, обладающие между собой зримым сходством, порожденным, по-видимому, сходством экосистемы. Пожалуй, наиболее интересным с точки зрения социальной истории является формирование в этих областях местной крестьянской элиты, не стремящейся к аноблированию. Кстати, упоминавшаяся сегодня деревня Монтайю (расположенная столь высоко, что ее жители не знали употребления колеса), демонстрирует не “отсутствие феодализма”, а в первую очередь – характерные черты именно такого сообщества европейских горцев. В этих районах крепость большой семьи, архаизм отношений между людьми сочетались с удивительным социальным динамизмом: тысячи младших сыновей выплескивались из этих мест – то как профессиональные воины, то как коробейники и купцы, то как мастера отгонного скотоводства, по следам чьих отар распространялись и еретические учения.

Закономерности функционирования крестьянского хозяйства возвращаются сегодня в поле зрения западных ученых. По их признанию, большую роль в этом сыграло знакомство с работами А.В. Чаянова. Почему-то отечественные медиевисты не оценили его вновь открытого наследия, которое в свое время повлияло на известного медиевиста М. Постана, ознакомившегося с трудами Чаянова еще в довоенные времена.

Но как же все-таки быть с главным нашим сюжетом – понятием феодализма?

На мой взгляд, удачной была попытка Л.А. Пименовой проследить момент зарождения этого понятия во Франции XVIII в.

Феодализм далеко не в первый раз оказывается перед судом – уже с самых первых лет своего существования этот термин носил оценочный, пейоративный характер. Правда и то, что тогда же его считали как сугубо местным, западноевропейским явлением (Монтескье), так и явлением универсальным, присущим множеству наро-

дов (Вольтер). Но главное заключалось в том, что он призван был зафиксировать отличие старого общества от нового: общества, отвергаемого Европой, от общества формирующегося. Это происходило в тот впервые наступивший исторический момент, когда, по словам Р. Козеллека, горизонт опыта перестал совпадать с горизонтом ожиданий. И от этого “родимого пятна” термину “феодализм” так и не удалось избавиться, несмотря на многочисленные зигзаги на его историографическом пути и новые смыслы, привносимые в него каждой новой историографической эпохой.

Вероятно, заранее предлагаемые к обсуждению тексты стоило бы дополнить статьей Алена Герро, опубликованной еще в 1990 г.⁷ В ту пору, несмотря на пристальное внимание отечественных медиэвистов ко всему, что публикуется в “Анналах”, на эту статью не обратили внимания. Возможно, потому, что в ней Герро слишком уж оптимистически оценивал достижения медиэвистики социалистических стран, что, если учесть год публикации, могло производить шокирующее впечатление. Но вот то, что никакого отклика не нашла у нас его последняя монография⁸, – это действительно странно и обидно. В Европе ее много хвалили и еще больше ругали (слишком авторитарным казался ее тон, слишком едко он критиковал современное положение дел, слишком рьяно защищал необходимость абстрагирования от сугубо эмпирических исследований), но она никого не оставила равнодушным.

Главный посыл и статьи, и книги заключается в том, что европейское общество ко второй половине XVIII в. пережило разрыв, в результате которого было утрачено понимание двух ключевых слов Средневековья, ставшего отныне чуждой эпохой. Такими ключевыми понятиями, с точки зрения А. Герро (не претендующего на роль новатора и опирающегося на богатую историографическую традицию), были *dominium* и *ecclesia*. В эпоху Просвещения на смену им появляются новые понятия, точнее – принципиально новые смыслы старых слов: “собственность” и “религия”. Как следствие – выделяются принципиально новые сферы человеческой жизни, ранее немыслимые по отдельности: политика, религия, экономика⁹. Этот переворот имел громадные последствия, чреватые прогрессом и революциями. И одновременно европейцы перестали понимать средневековое общество, забыв смысл его ключевых слов.

Ален Герро завершает свою книгу двенадцатью тезисами, представляющими не то чтобы исследовательскую программу, но скорее меморандум о необходимости перестройки медиэвистики в новом столетии. Одно из важнейших требований заключается в необходимости осознать, что Средневековье обладало особой системой присвоения смыслов, и это делает невозможным “прямое прочтение” средневековых источников с позиций обыденного здравого смысла со-

временного человека. Значит, необходима масштабная работа над исторической семантикой.

Герро ратует за системный подход к истории Средневековья и за то, чтобы историки всерьез задумались о механизме динамики феодального общества. Средневековая Западная Европа демонстрировала явную способность к достаточно быстрому развитию, но в силу обстоятельств, сопровождавших рождение термина “феодализм”, динамика этого общества редко становилась объектом осмысления. Главное же, к чему призывает Герро, – покончить с самоубийственным процессом дробления исследовательского поля медиевистики, с выделением все новых специализаций, со своего рода “научным аутизмом”, т.е. неспособностью обеспечить научную коммуникацию и сговором перед любого рода обобщениями.

Положение отечественных медиевистов сильно отличается от положения медиевистов французских. И все же очевидно, что многие упреки Герро справедливы и для нас, о чем говорилось и в сегодняшних выступлениях. Конечно, наша ситуация имеет несколько более возвышенные объяснения, чем французская, но симптомы весьма схожие. Лозунг: “Пусть расцветают сто цветов!” – привел к пышному разнотравью медиевальных семинаров, ежегодников и научных направлений. Кандидатские диссертации становятся все толще, темы все изощреннее, а уровень порой не только не уступает европейскому, но и превосходит его. Но на вопрос: “А что же это даст нам для понимания средневекового общества?” – ответить становится все сложнее. “Новые подходы”, “новые парадигмы” и “неожиданные ракурсы” – абсолютно необходимы, но недостаточны сами по себе.

Еще недавно можно было сказать, что, например, пресловутые прекарные отношения можно рассматривать по-разному. То, что графент дарит свою землю монастырю, а в ответ получает ее в пользование, можно трактовать как процесс феодализации: разорение аллодистов и форму концентрации недвижимости в руках сеньоров (в данном случае церковных), и старательно подсчитывать площади передаваемой земли в бонуариях или моргенах. А можно видеть в этом же процессе стремление средневекового человека обеспечить себе защиту со стороны небесного патрона, чьи мощи хранились в данном монастыре, и изучать особенности восприятия святости или психологические последствия фобий. И между этими двумя подходами существует своеобразный “пакт о ненападении”, незримая внутридисциплинарная межа – в одном секторе, в одном университете или в одном семинаре занимаются первой стороной этого процесса, а в другом секторе (семинаре, университете) – второй, причем конвенции, истины и авторитеты одних не признаются таковыми у других и наоборот. Такое положение (конечно, обрисованное не без ри-

торического преувеличения) дает свои положительные результаты, как и вообще всякая специализация, к тому же позволяет избежать лобовых столкновений коллег. Но, как представляется, гораздо более плодотворными выглядят попытки соединения этих подходов.

В качестве примера можно сослаться на достаточно известные у нас работы Барбары Розенвайн (одна из которых носит говорящее название – “Быть соседом святого Петра”)¹⁰ или Доминика Иона-Пра¹¹, основанные на изучении клюнийских грамот и комбинирующие социально-экономические, аксиологические и иные ракурсы исследования. Я же позволю себе остановиться на исследованиях, относящихся к более раннему периоду, результаты которых были недавно изложены в докладе Режин Ле Жан, выступавшей в прошлом году на уже упоминавшемся семинаре в МГУ.

Ключевым понятием для определения статуса свободного человека в раннесредневековом обществе был *patrimonium* – родовые владения (в первую очередь земли¹²). Им обладали все свободные: собственно, обладание им определяло статус и достоинство индивида, а вернее – семейной группы сонаследников, в которую этот индивид входил. Простые люди владели достаточно компактным патримонием, но чем знатнее был род, тем обширнее была территория, на которой он был разбросан, – вплоть до сформировавшейся на рубеже VIII–IX вв. имперской знати, владевшей землями, рассредоточенными по всей державе Каролингов. Сохранить родовые земли – значило не только обеспечить источник материального существования, но и сохранить идентичность рода, а следовательно – его память, престиж, могущество. Сделать это было трудно в силу войн, междоусобиц, слабости материальной базы, но главное – в силу действия неумолимых демографических процессов. Исследователи, комбинируя нарративный и актовый материал с археологическими данными, воссоздают три повторяющиеся фазы существования патримония. (Понятно, что источники позволяют это сделать лишь для благородных семей, но, может быть, именно потому эти семьи и слыли благородными, что им удалось удачно решить проблему сохранения патримония?) Первая фаза: родовые земли находятся в совместном владении сонаследников; вторая – выделяются земли женатым сыновьям и приданое дочерям; третья – члены рода пытаются восстановить единство патримония. На этой фазе семья была готова на все: бывшие родовые земли выкупаются за любые деньги, ведутся судебные тяжбы (способствующие укреплению права родового выкупа), выстраиваются сложные матримониальные комбинации, а когда надо – родичи и их “верные” берутся и за оружие. Но все чаще последствия разделов патримония исправлялись дарениями бывших родовых, а ныне поделенных земель монастырю или церкви в обмен на сохранение права пользования (например, в форме

узфрукта). Речь шла вовсе не о замене светского землевладения церковным и не о процессах классообразования – ведь дарения свершились в пользу тех монастырей или церквей, которые семья считала “своими”. Выходцы из этой семьи были монахами или даже аббатами данного монастыря, священниками данной церкви, в крайнем случае – ими становились угодные семье люди. Церкви и монастыри служили гарантом сохранения памяти рода – здесь были захоронены их предки, здесь возносились молитвы во спасение их душ и за процветание их потомков. Семьи не скупилась на драгоценную церковную утварь и иные вклады. Таким образом, патримоний восстанавливался под защитой могущественного небесного покровителя, при этом для членов данного рода или зависимых от него людей сохранялась возможность пользования землей. Процесс этот отнюдь не был прямолинейным – кого-то не устраивала такая перспектива, кто-то отказывался от родства, одни семейства стремились поглотить другие и т.д. Сложные отношения складывались и между аббатствами – в игру включались и церковные иерархи, и королевская власть. Чаще всего установление соподчиненности между семьями сопровождалось аналогичным процессом, связывающим различные церковные институты. Одни монастыри могли быть “подарены” другим, более могучим и более прославленным, но при этом они на определенных условиях вновь возвращались тем семьям, которые изначально их опекали. Складывающуюся систему соподчинения венчали “королевские” монастыри: так аристократические кланы, не утрачивая окончательно своих социальных позиций, оказывались под дополнительным контролем королей.

Оставим в стороне вопрос о степени обоснованности подобного объяснения важных социальных процессов, относящихся к существенным чертам средневекового общества (к тому же изложенного мной в непростительно упрощенном виде) и отметим любопытный способ соединения “горнего и дольнего” в одной интерпретационной модели, без того, чтобы что-то считалось “базисом”, а что-то “надстройкой”. Во всяком случае, такая модель, как представляется, не состоит в кричащем противоречии с умонастроением людей раннего Средневековья.

Нечто подобное происходит и в более известной мне историографии французской Реформации и религиозных войн. Долгое время историки были озабочены плодотворными поисками социальных, социально-экономических и политических обоснований этих явлений. Затем, в 90-е годы XX в. в противовес таким поискам возобладала тенденция, концентрирующая внимание на индивидуальном религиозном опыте – *le vécu religieux*. Реформация и Контрреформация объяснялись психологическими процессами, фантазмами и страхами, императивами, порожденными логикой развития куль-

туры и т.д. Но сейчас все громче раздаются голоса, что внешне логичный призыв “объяснять религиозное религиозным” является таким же анахронизмом, как объяснять религиозное социальным или политическим. В сознании человека XVI в. отделить религиозное от социального было еще невозможно¹³.

Подобных примеров можно приводить множество. Так, трудно разобраться в механизме социального функционирования средневекового города без осознания роли святых патронов городского сообщества в целом или особенностей спиритуальности средневековых горожан¹⁴. Так, сельская община, начиная с эпохи Высокого Средневековья, немыслима без своего прихода, а следовательно – без церковной десятины. Приход заключал договор со священником (русская “руга рядная”), контролировал использование десятины. Десятина мыслилась изначально (и до самого конца Средневековья) как “патримоний бедных”, а уплата ее – как деяние, необходимое для спасения души. Та ее часть, которая оставалась в распоряжении приходской общины, могла служить “страховым фондом” на случай недорода или иных бедствий, но также призвана была удерживать на месте “своих” бедных, столь необходимых в качестве дополнительной наемной рабочей силы в крепком крестьянском хозяйстве в страдную пору. Разумеется, подход к сельскому приходу или к церковной десятине только с функционально-экономической точки зрения столь же ущербен, как и подход к ней только с точки зрения “историко-религиозной”.

* * *

Вернемся теперь к трем возможным направлениям работы над понятием “феодализм”, которые были названы в начале нашей дискуссии:

1. Выступления участников показали, что мало кто из нас готов отказаться от поиска обобщающих характеристик и генерализующих понятий; большинство по старинке продолжает мыслить крупными историческими эпохами и цивилизациями. И похоже даже, что эта склонность имеет тенденцию возрождаться в новых формах. Но в этом случае, как учат нас современные работы по эпистемологии исторического знания, – необходима когнитивная точка, “держущая” понятие “Средневековье” или его ментальный образ.

2. Название такой точки можно придумать иное – не обязательно “феодализм”. Можно придумать иной маркер – “общество X” либо еще какое-нибудь новое слово. Примером может служить знаменитый и весьма плодотворный термин “encellulement”¹⁵, придуманный Робером Фоссье для обозначения существенного изменения средневекового общества около Тысячного года. Этот термин, равно чуждый средневековым людям и нам, позволяет избежать неже-

лительных коннотаций, вроде тех, которые вызывает термин “фео-дильная революция”. Можно поступить не столь радикально, взяв более знакомый термин: “сеньориальное общество”. Но эти слова пока не приживаются, а “феодализм” остается прочно укорененным в общественном сознании и, наверное, долгое время таким останется, даже если мы все, сидящие в этом зале, объявим ему бойкот.

3. Поэтому работы с понятием “феодализм” не избежать. Но его нельзя достать из сундука как старый салоп и бездумно накинуть на изучаемое общество. Нужен тщательный анализ истории понятия, нужна работа по его приспособлению к современному уровню науки с использованием всех достижений современной медиевистики.

А достижений этих немало.

– От деклараций о полезности Begriffsgeschichte перешли к изучению истории понятий, и не только понятий, но и риторических систем, их порождающих, а также их визуальных образов и метафор. Изучается образ феодального Средневековья и те смысловые оттенки, которые он обретал в разные эпохи, а также обстоятельства его рождения, и, что очень важно, – строительный материал, из которого это понятие было сложено.

– В изучении того, как выстраивались базовые понятия, особенно важны работы по истории права. В последние годы наметился настоящий ренессанс в изучении средневековой юриспруденции. И теперь уже мало кого шокируют слова о том, что феодализм “изобрели” те или иные глоссаторы, постглоссаторы или февдисты. Мы уже поняли, что продукция, выходящая из-под пера интеллектуалов, не только (а может, и не столько) отражала окружающий мир, но и конструировала его. Тем более широкие перспективы открываются перед теми, кто изучает формы творчества, особенности мышления и социальные условия деятельности интеллектуалов Средневековья. Не абстрактные “Церковь”, “Папство”, “Государство” или “Город” формулировали нормы права, изобретали новые системы налогообложения или кредита, рисовали образы власти или описывали формы общественной иерархии, а вполне конкретные, пусть даже оставшиеся для нас анонимными, интеллектуалы, образующие специфическую социальную среду.

– Для всех стала очевидной важность работы над дешифровкой культурных кодов Средневековья, и слова о том, что Владимир Мономах, призывая не зарывать деньги в землю, боролся против тезаврации экономики, вызывают лишь улыбку соболезнования. Восстановление образной системы средневековой культуры, того, как средневековый человек конструировал образ “другого”, а следовательно, и идеализированный образ себя, того, как функционировала система средневековой эмблематики, того, как при помощи зрительных образов власть являла себя подданным, – все это осознает-

ся теперь необходимым. И все это служит не только исправлению историографических нелепиц, но – в перспективе – восприятию средневекового общества как целостности.

– Все чаще задумываются над тем, что институты, почитаемые привычными для средневекового человека, не существовали подобно постоянным декорациям, а возникали, распространялись и трансформировались, обеспечивая средневековому обществу ту самую удивительную динамику, о которой говорит Герро. Кто и когда изобрел церковную десятину, почитание мощей святых, систему военных бенефициев, городскую коммуну, аркбутаны готического собора или университетскую корпорацию? Каким образом подобные нововведения укоренялись, распространялись и трансформировались? На эти вопросы если и не начали искать ответа всерьез, то, по крайней мере, осознали такую необходимость.

– Вклад “прагматического поворота” в нашу науку позволяет сконцентрировать внимание на том, каким образом средневековый человек каждый раз оказывался не столько пассивным “винтиком” в процессе воспроизводства социальных отношений, сколько активным его соучастником. Существующая система связей между людьми постоянно воссоздавалась заново, причем люди могли с большей или меньшей степенью осознанности “играть своей идентичностью”, с большим или меньшим успехом добываясь от окружающих признания своих прав на ту или иную социальную роль. С этой точки зрения нации, этносы, социальные группы и даже сословия существовали лишь в той мере, в которой находились люди, соглашавшиеся, под воздействием объективных и субъективных обстоятельств, играть по заданным правилам.

– Переиначивая известное высказывание Жоржа Дюби о том, что феодализм – это средневековое умонастроение, мы сейчас вполне можем сказать, что феодализм – это историческая память (или, может быть, “мемория”). Роль памяти в функционировании общества в особенной мере очевидна для Средневековья. Даже если вернуться к поэтике “способа производства” и “производственных отношений”, трудно не признать определяющую роль обычая, бывшего душой и жизнью феодального держания, а сила обычая лежала в его незапамятности. Поэтому растущий интерес медиэвистов к изучению феномена памяти вполне объясним.

– Когда Бродель, в конце 50-х годов, участвовал в заседаниях национальной аттестационной комиссии, он часто произносил фразу: “Ваша диссертация недостаточно пахнет навозом, месье!”, и не было для соискателя упрека страшнее. Не то, чтобы аромат представляемых к защите диссертаций удовлетворил бы сегодня Броделя, однако его упрек сейчас не показался бы уже таким анахронизмом, как лет десять назад. И если возрождение аграрной истории еще

только намечается, то различного рода таблицы, графики и подсчеты вновь возвращаются на страницы монографий. Изучение одних только ментальных процессов без их материальной составляющей и без определения их внешних рамок – “порога возможностей” Средневековья – выглядит уже не столь привлекательным, как раньше.

– Возобновился интерес к компаративным исследованиям, которые служат необходимой формой продолжения диалога медиевистов, изучающих разные регионы. Вот и сегодня, мы убедились в плодотворности такого диалога – чего стоит одно только предложение Л.Б. Алаева видеть в Западной Европе своеобразное слабое звено в системе феодализма!

Можно предвидеть вопрос: а где же, в какой стране действуют все эти столь проникательные медиевисты, способные обеспечить поистине стереоскопический взгляд на Средневековье? На него легко ответить: это медиевисты и историки раннего Нового времени, живущие в России. Львиная их доля сосредоточена в Москве, а из москвичей большая часть работает в ИВИ РАН. Все те тезисы, которые были сейчас перечислены, взяты мной из того, что за самые последние годы высказывалось на многочисленных медиевальных семинарах, публиковалось в ежегодниках, сборниках, монографиях или диссертациях. И я еще далеко не все обозначил¹⁶...

Многие из сегодняшних докладчиков говорили о необходимости системного подхода к изучению Средневековья, к чему призывает и Ален Герро. Я также готов присоединиться к этому требованию. Но надо отдавать себе отчет в том, что репутация самих понятий “система” и “структура” оказалась скомпрометирована в глазах многих представителей сообщества гуманитариев. Они считают эти понятия порождением функционализма, и по природе своей редукционистскими, вспоминая иногда слова Ницше о том, что система – прибежище для людей робкого ума.

Поэтому выражусь осторожнее. Оставим открытым вопрос о том, образовывало ли средневековое общество единую когерентную систему, и о том, распространялась ли эта система на все стороны жизни людей средневековой Европы или даже на жителей других регионов Старого света. Можно сказать еще обтекаемее: открытым остается вопрос о том, насколько нам выгодно и насколько уместно рассматривать Западную Европу и иные регионы в ракурсе феодализма как системы?

Но вне зависимости от ответа на эти вопросы, представляется абсолютно необходимым, чтобы мы сами образовывали систему. И опять я выбираю очень осторожную формулировку, не призывая ни к созданию единой структуры или проблемной группы, ни к методологическому синтезу (последний термин изрядно затаскан многочисленными конференциями, а что он означает, так и оста-

лось для меня загадкой). Речь идет всего-навсего о том, чтобы наладить или восстановить нормальную научную коммуникацию между всеми без исключения представителями нашего профессионального сообщества.

Раз уж нам нужно заняться формулированием таких истин, которые могли бы стать общепринятыми (а именно этих истин в отношении Средневековья от нас требует социальный заказ), то надо помнить, что у нас нет иного критерия их верификации, кроме апробирования их научным сообществом – национальным и интернациональным. Медиевист, как и любой другой исследователь, может приходить к ценным выводам, и может даже делиться ими с кругом своих единомышленников, но этого недостаточно, чтобы придать полученным выводам научное значение. Процедура неумолима: эти выводы надо еще публично высказать в форме, доступной пониманию других медиевистов, не являющихся ни узкими специалистами в данной области, ни адептами именно этой методологии. А затем надлежит ответить на высказанные замечания. Но уже после этого коллеги не имеют морального права эти выводы игнорировать.

Солдаты Понтия Пилата не решились при дележе добычи разрезать на куски доставшийся им бесшовный хитон. Нам тоже не стоит окончательно раздирать на фрагменты цельное средневековое общество. Для этого всего-то и нужно читать работы друг друга и высказывать по их поводу мнения (пусть даже и нелицеприятные). В силу ряда причин задача эта вовсе не так проста, как может показаться со стороны, но ее решение все же необходимо. И тогда работа над понятием “феодализм” или над каким-нибудь иным понятием, призванным обозначить сущностные черты Средневековья, будет продолжена в XXI веке.

¹ Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 174.

² Даже когда П.С. Стефанович в своем сегодняшнем выступлении показывает контрпродуктивность изучения отношения князя и дружины на Руси с применением “феодального клише”, речь идет именно о том узком понимании феодализма, против которого направлено острие критики Рейнольдс.

³ Heers J. La ville au Moyen Age en Occident: Paysages, pouvoirs et conflits. P., 1990.

⁴ Блок М. Указ. соч. С. 433–434.

⁵ Там же. С. 433. В оригинале, конечно, речь шла не о феодализме, а о феодальной эпохе.

⁶ Лекция “Горные общества Западной Европы в Средние века в свете новейших исследований” была прочитана проф. Тулузского университета Бенуа Кюрсентом (Benoit Cursente) 17 мая 2005 г. в МГУ в рамках Международного семинара медиевистов.

- ⁷ *Guerreau A.* Fief, féodalité, féodalisme. Enjeux sociaux et réflexion historique // *Annales ESC.* P., 1990. N 1. P. 137–166 (см. пер. этой ст. в настоящем сб.: *Герро А.* Фьеф, феодальность, феодализм. Социальный заказ и историческое мышление. (с. 77–113).
- ⁸ *Guerreau A.* L’avenir d’un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXI siècle? P., 2001 (“Будущее неопределенного прошлого. Какой быть истории Средних веков в XXI в.?”).
- ⁹ От себя добавлю, что следствием Реформации явилось и рождение социального – как области абстрактных представлений об общественном устройстве.
- ¹⁰ *Rosenwein B.H.* To Be the Neighbor of Saint Peter. The Social Meaning of Cluny’s Property, 909–1049. Ithaca; L., 1989; *Eadem.* Negotiating Space. Power, Restraint and Privileges of Immunity in Early Modern Europe. N.Y., 1999.
- ¹¹ *Iogna-Prat D.* Cluny comme “système ecclesial” // *Die Cluniazenser in ihrem politisch-sozialen Umfeld* / Hrsg. G. Constable, G. Melville, J. Oberste. Münster, 1998. Подробнее см.: *Решин А.И.* Дар и некоторые аспекты становления феодализма // *Средние века.* М., 2004. Вып. 65. С. 3–45; 2005. Вып. 66. С. 75–115.
- ¹² Но также и honores (почести/должности), драгоценности, рабы – мандипии.
- ¹³ Подробнее см.: *Уваров П.Ю.* Что стояло за религиозными войнами XVI в.? От социальной истории религии к “le vécu religieux” и обратно // *Французский ежегодник.* М., 2004. С. 2–38.
- ¹⁴ *Город в средневековой цивилизации Западной Европы* / Под ред. А.А. Сванидзе. М., 1999–2000. Т. 1–4; особ. Т. 3: “Человек внутри городских стен. Формы общественных связей”. М., 2000.
- ¹⁵ Букв. “объячеивание”. Фоссье обозначает этим термином появление устойчивых территориальных образований – сеньорий и замков, общин и приходов, городских корпораций и проч.
- ¹⁶ Я бы сказал еще о гендерной проблематике, об успехах средневековой археологии, о принципиально новом уровне, достигнутом в источниковедении...